

ЛЮДИ ПРЕЖНЯГО ЗАКАЛА.

І. А. М. Симборскій, Динабургскій комендантъ.

(Біографическій очеркъ).

Кто не зналъ Андрея Михайловича Симборскаго въ Динабургѣ? Кто изъ тогдашнихъ Динабургскихъ жителей не помнитъ висѣвшей у него на лѣстницѣ, внизу, дощечки съ надписью: «Покорнѣйше просятъ вытирать ноги?» Остряки доказывали, что надпись эта относилась не до *входящихъ*, а до *выходящихъ*, на основаніи изрѣченія: «отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ». Симборскій драпировался личиною суроваго и строгаго человѣка, въ сущности же имѣлъ прекрасное сердце. Его не нужно было уговаривать ни на какое доброе дѣло: довольно было для этого полуслова. Отлпчался онъ необыкновенною сметкою и чувствомъ благоприличія. Все, что онъ устраивалъ, было складно и изящно; всякую работу онъ непремѣнно доводилъ до конца. Человѣкъ умный и образованный, Андрей Михайловичъ сознавалъ собственное достоинство и отлично размѣрлялъ свое обхожденіе съ людьми. Съ аристократами онъ былъ аристократъ, съ младшими и съ подчиненными кратокъ и категориченъ; будучи недоволенъ лицами, непосредственно ему подчиненными, онъ никогда не оскорблялъ ихъ ни крпкомъ, ни жесткими словами. Человѣколюбивымъ обращеніемъ съ нижними чинами онъ опередилъ свой вѣкъ, пли по крайней мѣрѣ тотъ печальный періодъ, когда мордобитіе было самымъ обыкновенномъ дѣломъ.

Высшій Петербургскій людъ близко зналъ Андрея Михайловича. Въ высочайшіе проѣзды, Динабургъ всегда предназначался для ночлеговъ, и никто такъ не умѣлъ принять гостей, на всемъ протяженіи до Варшавы, какъ Симборскій. Въ особенности жаловала его покойная императрица Александра Феодоровна, которая во всякій проѣздъ за границу ночевала въ Динабургѣ. Ея Величество находила въ Динабургской крѣпости въ «императорской квартирѣ», свою столичную спальню и кабинетъ безъ малѣйшаго измѣненія: тѣже обои, тѣже драпри, таже мебель отъ Тура и Гамбса, даже на письменномъ столѣ

также чернильница, также ножи и ножницы и всё бездѣлушки. Богъ знаетъ, откуда ухитрился онъ доставать все, что могло нравиться высокимъ путешественникамъ. Откуда онъ бралъ несвоевременно ананасы, виноградъ, яблоки дивныхъ сортовъ и т. п., это его тайна. Помню анекдотъ по поводу такихъ яблокъ, рассказанный мнѣ самимъ Симборскимъ. Государынѣ очень понравились яблоки. Она взяла одно изъ нихъ и, передавая своему доктору Маркусу, прибавила: «возьмите; я знаю, что вы любите яблоки». — «Это отъ того», замѣтилъ находившійся тутъ же графъ Апраксинъ, «что Мандтъ любитъ груши». Мандтъ состоялъ при Государѣ, и острота графа Апраксина относилась ко взаимному антагонизму между Мандтомъ и Маркусомъ. Симборскій не жалѣлъ издержекъ на украшеніе «императорской квартиры», лично закупалъ въ Петербургѣ все необходимое для нея, и всякое приобрѣтеніе отличалось изяществомъ. Инженерный Департаментъ, съ генераломъ Геруа во главѣ, никогда не отказывалъ ему въ возвратѣ издержекъ.

Изысканнымъ вкусомъ своимъ, радушіемъ и хлѣбосољствомъ А. М. извѣстенъ былъ давно. Еще въ бытность начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, при Ридигерѣ, онъ слылъ Лукулломъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ говаривалъ, что только у Симборскаго и можно хорошо пообѣдать. Дѣйствительно, А. М. держалъ отличныхъ поваровъ. Въ Динабургѣ онъ каждую недѣлю давалъ обѣды на нѣсколько человекъ, держась правила, что число обѣдающихъ должно быть не меньше числа Грацій и не больше числа Музъ. Любимою его поговоркою, почти послѣ каждаго обѣда, было: «Хозяину заботиться сперва о томъ, чтобъ гости его были *здоровы*, а потомъ, чтобъ были *сыты*». Разъ въ годъ, 30 Ноября, въ свои именины, давалъ онъ блистательный балъ, съ роскошнымъ ужиномъ; но танцы никогда не продолжались далѣе 2-хъ часовъ ночи. Кромѣ того, у него были назначены и Понедѣльники, на которые гости съѣзжались въ 9 часовъ, а въ половинѣ 12-го, послѣ мороженаго, непременно разѣзжались. Самъ хозяинъ рѣдко игралъ въ карты и то не болѣе трехъ роберовъ ералаша, но предпочиталъ занимать дамъ, съ которыми умѣлъ быть отменно любезенъ.

12 лѣтъ былъ я при немъ адъютантомъ и зналъ его близко. Вставалъ онъ зиму и лѣто въ 6 ч. утра, обливался холодною водою и шелъ гулять. Взглядъ его, какъ хозяина, повсюду бывалъ нуженъ. Малѣйшій безпорядокъ, нечистота, разбитое окно, ничто не ускользало отъ его вниманія. Не было крѣпостныхъ работъ, на которыя не заходилъ бы комендантъ чуть не ежедневно. Въ крѣпости господствовали чистота и свѣжій воздухъ. Кто изъ тогдашнихъ Динабургцевъ

не помнить бѣлаго комендантскаго красавца-рысака, который какъ птичка несся по дамбѣ, въ легкихъ дрожкахъ, съ своимъ господиномъ? Вечеромъ Андрей Михайловичъ обязательно бывалъ въ театрѣ (который былъ устроенъ на «Новомъ Форштатѣ» командиромъ инженернаго арсенала полковникомъ Гагельстромомъ съ хорошею труппою актеровъ). Доклады мои онъ принималъ отъ 12 до 3-хъ часовъ, въ 4 ч. обѣдалъ и отдыхалъ ровно часъ. По совѣту врачей, Петша и Конради, онъ выпивалъ по нѣскольку стакановъ воды со льдомъ и даже въ чашку съ чаемъ опускалъ кусочекъ льду.

Вотъ домашній образъ его жизни, не измѣнявшійся ни на волосъ. Исключенія допускались только во время высочайшихъ проѣздовъ. Тогда Андрей Михайловичъ не принадлежалъ себѣ. Тяжелая служба наставляла для подчиненныхъ. Комендантъ не спалъ цѣлую ночь, самъ ходилъ по фронту зданія, не позволялъ никому не только проѣзжать, но и проходить мимо; всѣ улицы ведущія на дворцовую площадь запирались рогатками и барьерами; часовые подводились на ципочкахъ, смѣнялись шопотомъ и ходили по платформѣ главной гауптвахты въ кенъгахъ, безъ малѣйшаго лязга оружія.

Противъ оконъ комендантскаго дома, съ «императорскою квартирою», находится большой зеленый плацъ, обсаженный въ два ряда пирамидальнымъ тополемъ. Вокругъ этаго плаца идетъ шоссированная пѣшеходная аллея, служащая для прогулокъ крѣпостнымъ жителямъ, такъ какъ по валу прогулка воспрещена, а другихъ мѣстъ для гулянья въ крѣпости нѣтъ. На этомъ плацу до Симборскаго производились смотръ войскъ и даже ученья, и потому на немъ было больше пыли и песку нежели зелени. Симборскій, въ первый же годъ прибытія своего, исходатайствовалъ особое высочайшее повелѣніе, дабы на означенномъ плацу производились военныя упражненія *исключительно только въ высочайшемъ присутствіи*. Въ самое короткое время плацъ зазеленѣлъ прекраснымъ бархатнымъ газономъ; его часто выкашивали и укатывали тяжелымъ каткомъ; не только человекъ, но ни одна собака не смѣла показываться на травѣ, тщательно охраняемой арестантами, стоявшими по угламъ съ палками.

Разведя на комендантскомъ дворѣ хорошенекій садикъ и украсивъ его цвѣточными клумбами, онъ устроилъ при немъ и небольшую оранжерею для рѣдкихъ и дорогихъ растений. Онъ разводилъ сады гдѣ могъ, въ бастіонахъ, на гласисѣ, въ лѣтнемъ военномъ госпиталѣ и проч. Послѣдній былъ построенъ внѣ крѣпости, на сыпучемъ пескѣ и солонопекѣ, довольно далеко отъ лѣса. А. М. удобрилъ песчаную почву и развелъ на ней садъ; въ мое время эго былъ прекрасный оазисъ и давалъ уже хорошую тѣнь. Но самый лучший садъ устроилъ

онъ на гласисѣ, со стороны набережнаго фронта, между Николаевскими и Михайловскими воротами. Фронтъ этотъ былъ засаженъ густою, дикою лозою, между которою не было никакого прохода, даже ни одной тропинки. Симборскій истребилъ всю эту лозу и на мѣсто ея посадилъ нѣсколько тысячъ деревь и кустовъ, подѣлалъ тѣнистыя аллеи, посѣялъ цвѣтовъ въ клумбахъ, построилъ бесѣдки и даже вокзалъ для танцевъ, барьеры, мостики. Въ лѣтнее время особый комитетъ изъ членовъ военно-крѣпостнаго клуба устраивалъ вечера въ этомъ садовомъ вокзалѣ, съ платою по 10 к. съ особы. Деньги эти шли на музыку, иллюминацію садика, на прохладительныя напитки и мороженое. Окрестныя помѣщики доставляли Симборскому множество саженцевъ и деревь для вновь нарождавшихся садовъ.

Онъ завелъ также очень хорошій хоръ при Динабургскомъ военномъ соборѣ. Регентомъ бывалъ всегда комендантскій писарь. По сношенію съ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, въ ней приготовлялся къ регентскому званію одинъ изъ выбранныхъ кантонистовъ Петербургскаго баталіона, и назначался писаремъ въ Динабургское комендантское управленіе, на штатную вакансію. Хоръ содержался на частныя пожертвованія. Изъ церковныхъ суммъ платилось только въ придворную капеллу за обученіе регента, кажется по 50 р. въ годъ.

А. М. не былъ жаденъ и лично для себя ничего не требовалъ; но онъ не могъ противустоять теченію и остановить взяточничество и хищеніе. «Доходное мѣсто» и «безгрѣшныя доходы» имѣли право гражданства въ Россіи, и промотавшіеся баричамъ давались въ командованіе полки, завѣдомо «для поправленія обстоятельствъ». (Особенно усердно поправляли свои обстоятельства гг. инженеры. Комендантъ не могъ слишкомъ рѣзко ограничивать произволъ ихъ: иначе его сочли бы въ столицѣ человѣкомъ неуживчивымъ, требующимъ дележа съ инженерами, тормозящимъ развитіе крѣпостныхъ работъ и т. п. и конечно скорѣе спланили бы его, нежели командира инженерной команды. Въ Инженерномъ Департаментѣ не обращали вниманія на отчеты и смѣты инженерныхъ командъ и утверждали ихъ безпрекословно. Отъ того коменданты вообще держали себя пассивно въ отношеніи инженерныхъ работъ и утверждали своею подписью самыя чудовищныя акты, какъ напримѣръ: на покупку кирпичнаго щебня, когда команды имѣли его цѣлыя горы на своихъ кирпичныхъ заводахъ; на подвозку воды, когда зданіе сооружалось въ самой рѣкѣ; на наемъ вольныхъ рабочихъ, когда работы производились крѣпостными арестантскими и военнорабочими ротами; на покупку песка, когда веркъ возводился на сыпучей песчаной мѣстности и т. п. Въ

особенности инженерамъ дались два рода актовъ, чуть не еженедѣльно представляемыхъ на утвержденіе коменданта: 1) «По случаю сильно-ненастнаго дня» арестанты въ работу не приняты. Между тѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не случалось ни одного не только «сильно-ненастнаго», но и просто ненастнаго дня, и нѣсколько сотъ арестантовъ продолжало работать изо дня въ день, а инженеры показывали вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ рабочихъ. 2) «Сильною свирѣпствовавшею бурей, съ сѣверо-восточнымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ» выбито оконныхъ стеколъ въ такомъ-то зданіи столько, въ такомъ столько (глядишь, полторы или двѣ тысячи), когда люди изнываютъ отъ засухи и зноя, и такія бури свирѣпствовали въ одной только инженерной командѣ, а гарнизону и городу не удѣлялись. Между тѣмъ, куда ни взглянешь, зеленыхъ и ржавыхъ стеколъ тысячи, и всѣ требованія коменданта о перемѣнѣ ихъ откладываются въ долгій ящикъ. Особенно безобразили такія стекла прекрасное зданіе военнаго госпиталя, выходящее цѣлымъ фронтомъ на плацпарадное мѣсто, о которомъ говорено выше. Проволочка и недобросовѣстность, разумѣется, не нравились энергичному Симборскому. Разъ утромъ онъ взялъ съ собою ординарца, приказалъ ему вынуть тесакъ и бить въ госпиталь стекла, которыя онъ указывалъ; потомъ послалъ меня къ командиру команды сказать, что «сильною, свирѣпствовавшею сегодня бурей, съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и градомъ», разбито въ военномъ госпиталѣ нѣсколько сотъ оконныхъ стеколъ, чтобы они были немедленно вставлены и что акта объ этомъ составлять не нужно. Инженеры исполнили приказаніе. Въ родѣ этаго дѣлались дѣла и въ другихъ частяхъ гарнизона. А потому, А. М. и могъ привлекать начальниковъ различныхъ частей къ участию въ дѣлахъ до общей пользы относящихся. Такъ плацъ-маіоръ долженъ былъ доставлять для пѣвчихъ ежедневно мясо и соль; смотритель госпиталя или, вѣрнѣе, госпитальный подрядчикъ, булки и сбитень; провіантскій коммиссіонеръ муку и крупу; комиссаріатская коммисія сукно и холстъ для одежды и постелей пѣвчимъ; командиръ инженерной команды столы, стулья для нихъ и рабочихъ во всѣ сады; командиръ инженернаго арсенала устраивалъ бесѣдки, скамьи и барьеры въ садахъ, артилерійскій арсеналъ красилъ всѣ эти постройки лафетною краскою. Словомъ, А. М. умѣлъ всѣхъ и вся призвать къ жизни, связалъ разрозненные звѣнья общества и оставилъ по себѣ въ Динабургѣ самыя лучшія воспоминанія.

Главнымъ антагонистомъ Андрея Михайловича былъ начальник Лифляндскаго Инженернаго Округа генералъ Теше, жившій въ той же крѣпости. Онъ постоянно вступался за инженерную команду, вообра-

жая, будто она для коменданта «дойная корова». Между тѣмъ комендантъ строго относился только къ инженернымъ работамъ и въ особенности къ работамъ по «императорской квартирѣ». Тутъ онъ дѣйствительно надоѣдалъ инженерамъ, требуя добросовѣстности и щеголеватости во всякой работѣ, заставляя передѣлывать одно и тоже по нѣскольку разъ, бракуя матеріалы и венцы, которыя инженеры думали поставить по сходной для себя цѣнѣ. Теше былъ суровый Шведъ и такъ же упрямъ, какъ и Симборскій. Оба часто схватывались, дулись другъ на друга, не перекидывались словомъ; но когда Теше, отъѣзжая по округу или возвращаясь изъ поѣздки, долженъ былъ, по уставу, представляться къ коменданту, наступало примиреніе, и не далѣе, какъ на другой день, у Симборскаго или у Теше враги пили чай за однимъ столомъ и играли въ ералашъ до новой ссоры, которая всегда бывала не за горами.

Но главнымъ яблокомъ раздора была такъ называемая «земля помѣщика Молля», обширное луговое пространство на берегу Двины, въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости, купленное Инженернымъ Департаментомъ у помѣщика Молля, для продовольствія лошадей гарнизона въ военное время и отдаленное въ вѣдѣніе коменданта. При предмѣстникѣ Симборскаго, Гельвицѣ, добромъ и бесполезномъ старичкѣ, инженеры завладѣли этимъ участкомъ и пользовались на немъ сѣнокосами всегда изобильными. Симборскій, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же наложилъ на эти сѣнокосы свое veto, обратилъ ихъ для себя, а инженерамъ предоставилъ траву со всѣхъ крѣпостныхъ верковъ и съ эспланады. Пошла переписка, которая длилась десятокъ лѣтъ и окончилась только съ отъѣздомъ Симборскаго. Андрей Михайловичъ не пользовался однакожъ этимъ лугомъ одинъ: онъ давалъ плацъ-майору по 500 и двумъ плацъ-адъютантамъ по 300 пудовъ каждому сѣна и продовольствовалъ 14 подъемныхъ лошадей, состоявшихъ при комендантскомъ управленіи.

Военнымъ госпиталемъ А. М. занимался также дѣятельно, какъ и садами. Не терпѣлъ онъ главнаго доктора, ст. сов. Рейнфельдта. Это былъ тяжелый Нѣмецъ, всегда противорѣчившій коменданту въ гигиеническихъ вопросахъ. Крѣпко разносилъ его за это Симборскій. Однажды Рейнфельдтъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: Я вижу, ваше п-во, что моя физиономія вамъ не нравится, но я не виноватъ; ее выдѣлъ Медицинскій Департаментъ и одобрилъ, когда назначалъ меня сюды». Кончилось однако тѣмъ, что Рейнфельдтъ былъ перенесенъ тѣмъ же званіемъ въ Рижскій военный госпиталь.

Канцелярскій пуританизмъ Симборскаго доходилъ до того, что онъ ломалъ себѣ голову: какъ лучше сказать «причина эта», или

«эта причина?», «вслѣдствіе того», или «а потому» и т. п.; а какъ онъ подчищенныхъ и исправленныхъ бумагъ не выносилъ, то нужно было не рѣдо кизъ-за такихъ мелочей переписывать очень сложныя бумаги. Вотъ отчего не уживались у него старшіе адъютанты, даже самые дѣльные, болѣе года. Теряя терпѣніе, они вступали съ нимъ въ споры, которые пораждали взаимное охлажденіе. Я, какъ молодой и неопытный поручикъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце и безропотно, исполнять всѣ бумажныя капризы его превосходительства, хотя не рѣдко и приходилось смахивать набѣгавшую на глаза тайную слезу. Въ этой бумажно-педантической борьбѣ прошла вся моя 12-лѣтняя служба при А. М. Симборскомъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ ней, считалъ эту борьбу служебною необходимостію, съ удивленіемъ уносилъ подписанную безъ исправленія бумагу и съ безпокойствомъ заглядывалъ въ глаза моему генералу: здоровъ ли онъ? Но первые года служенія были для меня чрезвычайно тяжки. Случалось, что въ изложеніи бумагъ первостепенной важности, какъ напримѣръ адресуемыхъ въ собственныя руки Ихъ Императорскихъ Высочествъ, генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора инженеровъ, А. М., не довѣряя ни себѣ, ни мнѣ, приглашалъ учителей Русской словесности изъ Динабургской гимназіи и просилъ ихъ отыскивать въ бумагахъ погрѣшности противъ языка и грамматики.

Но не эта работа утомляла меня (писаря въ три дня не успѣвали переписывать того, что заготовлялъ я въ одинъ вечеръ), а доклады. Бывало, съ пустыми бумажонками приду докладывать нарочно ранѣе, часовъ въ 11 и даже въ 10, чтобы скорѣе отдѣлаться, и сижу до 3 или 4 часовъ, послѣ чего возвращаюсь домой измученный, утомленный, ни къ чему неспособный. При кипучей дѣятельности А. М. у него и въ домѣ все кипѣло какъ въ котлѣ: звонокъ не умолкалъ, извѣщая о приходѣ разныхъ лицъ, то по службѣ, то съ визитомъ. Не успѣешь прочитатъ двухъ строкъ доклада, является лакей съ извѣщеніемъ о приходѣ того-то. «Погодите, я отпущу его», произносилъ А. М. и уходилъ. Эта фраза произносилась разъ тридцать въ утро, и докладъ прерывался даже приходомъ кучера или повара. Особенно надоедали мнѣ дамскіе визиты. Иная усидчивая дама сидѣла по часу, перебивая изъ пустаго въ порожнее. Впрочемъ, на подобныя случаи я имѣлъ приказаніе показываться изъ кабинета въ гостинную: генералъ произносилъ «сейчасъ», дама понимала, что хозяину некогда и вставала. «Извините, меня пилить адъютантъ», говорилъ онъ прощающейся дамѣ и провожалъ ее до передней.

Онъ имѣлъ у себя записную книжку, въ которую вносилъ всѣ приказанія, которыя отдавалъ разнымъ лицамъ, и по мѣрѣ того, какъ

приказаніе исполнялось, онъ вычеркивалъ его изъ книжки. Мнѣ приказано было также носить при себѣ подобную книжку и вписывать въ нее всѣ его приказанія. Независимо отъ того, я получалъ въ теченіе сутокъ по нѣскольку записокъ съ новыми приказаніями. Это съ его стороны было деликатностію; и мнѣ—да и не мнѣ одному—рѣдко приходилось слышать фразу: «пожалуйте къ генералу» и то въ экстренныхъ только случаяхъ.

А. М. самъ не курилъ и не выносилъ табачнаго дыму. Бывало, крѣпко журилъ онъ меня, когда заставлялъ въ канцеляріи дымъ. Я долженъ былъ въ началѣ, идучи къ докладу, надѣвать другой сюртукъ и полоскать ротъ. Впослѣдствіи онъ дозволилъ мнѣ курить въ канцеляріи, а много лѣтъ спустя, когда я пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ, самъ предлагалъ мнѣ покурить у камина. Во время Динабургскихъ «Понедѣльниковъ» его, гостимъ, игравшимъ въ карты въ столовой, дозволялось однакоже курить, но для этого открывались форточки и топился каминъ. Крѣпко морщился А. М., если кто нибудь изъ пріѣзжихъ высокопоставленныхъ особъ просилъ разрѣшенія его закурить сигару или папиросу въ гостиной. Разрѣшеніе конечно онъ давалъ, но послѣ того чуть не на сутки открывались всѣ окна и вентиляторы. Также не выносилъ онъ, если отъ кого-нибудь пахло водкою: по уходѣ такого лица немедленно, даже зимою, открывались окна, и производилось куреніе одсколономъ.

Третій мѣсяцъ—срокъ прикомандированія моего къ комендантскому управленію истекалъ; полкъ нашъ долженъ былъ выступать изъ Динабурга и оставалось или назначить меня плацъ-адъютантомъ или возвратить въ полкъ. Симборскій, по исполненіи мною всѣхъ формальностей, вошелъ съ представленіемъ въ Инспекторскій Департаментъ о назначеніи меня плацъ-адъютантомъ въ крѣпость Динабургъ. Это было въ Апрѣль 1847 года. Черезъ недѣлю полученъ отвѣтъ, что какъ по закону мѣста плацъ-адъютантовъ предоставляются только раненымъ офицерамъ, то офицеръ изъ фронта не можетъ получить просимаго назначенія. Меня это очень огорчило.

«Не огорчайтесь, любезный другъ! Вы еще не знаете духа нашего бюрократизма, или вѣрнѣе канцеляризма: по полученіи перваго представленія, всегда ищутъ *нѣтъ ли причинъ отказать*; находятъ ихъ и отказываютъ; когда откажутъ и по второму представленію, тогда просите въ третій разъ; послѣ третьяго отказа просите въ четвертый разъ и какъ можно настойчивѣе; но если откажутъ и въ четвертый разъ, то.... тогда только и *начинайте просить*». Андрей Михайловичъ дѣйствительно вошелъ обо мнѣ съ вторичнымъ представленіемъ, причемъ написалъ къ дежурному генералу Павлу Николаевичу Игнатьеву соб-

ственноручное письмо, въ которомъ изложилъ, что ему нуженъ прavitель канцеляріи, къ чему офицеръ раненый, и слѣдовательно больной, не можетъ быть пригоденъ, но нуженъ офицеръ молодой и здоровый. На это дежурный генералъ весьма вѣжливо отвѣчалъ, что при всемъ желаніи его онъ не можетъ сдѣлать угодное Андрею Михайловичу, потому что не осмѣлится войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, въ нарушение прямого, категорическаго закона.

— «Я поправлю это дѣло лично въ Петербургъ», сказалъ мнѣ въ утѣшеніе комендантъ. Онъ дѣйствительно собирался давно ѣхать въ Петербургъ; но рѣшеніе на счетъ меня, повидимому, ускорило эту побѣздку, и онъ уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Съ дежурнымъ генераломъ у него были довольно жаркія объясненія: одинъ настаивалъ, другой отбазывалъ, въ виду собиравшихся на политическомъ горизонтѣ Европы тучъ и вѣроятія Венгерской войны, когда во фронтовыхъ офицерахъ будетъ встрѣчаться большая необходимость. Симборскій, въ опроверженіе этого, доказывалъ, что Государь сдѣлаетъ исключеніе для Динабурга, какъ первоклассной и любимой имъ крѣпости и что въ ней для военнаго времени именно и нужны здоровые офицеры, а не раненые, которымъ мѣсто въ городахъ, но не въ крѣпостяхъ. Кончилось тѣмъ, что о назначеніи моемъ состоялся высочайшій приказъ 7 Іюня, за три дня до выступленія нашего полка изъ Динабурга. И 12 лѣтъ сряду прослужилъ я подъ начальствомъ Андрея Михайловича. Это былъ самый счастливый періодъ моей жизни. Онъ полюбилъ меня, какъ сына; я привязался къ нему, какъ къ отцу.

Въ 1858 году я былъ уже десять лѣтъ капитаномъ и на этомъ мѣстѣ не могъ получить ни слѣдующаго чина, ни ордена. Симборскій не разъ самъ заговаривалъ объ этомъ и предлагалъ мнѣ мѣсто или плацъ-маіора въ Динабургъ или какое-нибудь другое въ Петербургѣ; но я отказывался: отъ плацъ-маіорства потому, что чувствовалъ въ себѣ силы для занятія болѣе высшей должности, а отъ Петербургскихъ мѣстъ, ради тамошняго климата, какъ уроженецъ Юга. Верхомъ честолюбія моего было быть старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба 1-й арміи въ Варшавѣ. Но Симборскій именно этого и не хотѣлъ.

— Какъ? Неужели я воспиталъ васъ и сдѣлалъ дѣловымъ чело-вѣкомъ для моихъ враговъ Горчакова и Коцебу? Куда хотите, я вашъ ходатай, только не въ Варшаву.

Что у него было съ главнокомандующимъ 1-й арміи и съ начальникомъ Главнаго Штаба Коцебу, я не знаю. Послужной его списокъ заставляетъ догадываться, что у него произошло что-то крѣпко-неладное съ княземъ Горчаковымъ, во время бытности Симборскаго начальникомъ артилеріи 3-го армейскаго корпуса, а князя Михаила

Дмитріевича начальникомъ Главнаго Штаба при Паскевичѣ. Симборскій былъ назначенъ начальникомъ артилеріи Кавказскихъ войскъ, и вслѣдъ затѣмъ назначеніе это было отмѣнено, и онъ былъ переведенъ на Кавказъ только съ званіемъ командира пѣхотной (гренадерской) бригады. На Кавказѣ онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Коцебу, который былъ тамъ начальникомъ штаба.

Кромѣ этого, Андрей Михайловичъ поставилъ мнѣ непремѣннымъ условіемъ: приготовить на свое мѣсто одного изъ офицеровъ гарнизона и тогда уже думать о собственномъ переводѣ. Въ переговорахъ нашихъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ резервномъ баталіонѣ Костромскаго полка я нашелъ поручика Метлина, очень развитаго офицера, и началъ готовить его. Комендантъ оставался имъ доволенъ. Когда я увидѣлъ, что Метлинъ можетъ заступитъ меня хотя на короткое время, я попросился въ отпускъ на десять дней въ Варшаву. Генералъ страшно разсердился.

— Такъ вы все-таки не бросаете безразсуднаго вашего намѣренія перейти на службу къ Варшаву?—Помилуйте, ваше пр-во! Развѣ я уже перехожу? Развѣ это такъ легко, развѣ это въ моей власти? Я могу не найти вакансіи; мнѣ могутъ отказать, какъ человѣку безъ всякой протекціи, никому неизвѣстному. Мнѣ хотѣлось бы только поразвѣдать, могу ли я тамъ и на что именно надѣяться?—Нѣтъ, вамъ не откажутъ. Я знаю Коцебу: онъ обѣими руками схватитъ васъ; онъ умѣетъ отличать людей дѣльных. Поэтому именно и не пущу васъ въ Варшаву. Пусть Метлинъ поработаетъ подъ вашимъ руководствомъ годъ, а тамъ посмотримъ.—Но кто же дастъ вамъ офицера для прикомандирования на цѣлый годъ? Метлина потребуютъ въ баталіонъ, и я не въ состояніи выполнить вашего требованія, такъ какъ оно невозможно. — Во всякомъ случаѣ, въ Варшаву я васъ не отпускаю. Это мое послѣднее слово. Прощайте.

Я приходилъ въ отчаяніе. Это было въ началѣ 1859 года.

Послѣ долгой борьбы съ собою, я написалъ къ коменданту два рапорта: одинъ объ увольненіи меня на десять дней въ Варшаву, а другой объ отчисленіи отъ настоящей должности во фронтъ. Оба рапорта эти въ тотъ же день вечеромъ отослалъ я къ коменданту.

На другой день Андрей Михайловичъ позвалъ меня и, подавая мнѣ оба рапорта, сказалъ: Чтобъ доказать вамъ, что я не такъ упрямъ, какъ вы, разрѣшаю вамъ повѣздку къ Варшаву. Уничтожьте рапортъ объ отчисленіи.

По прибытіи въ Варшаву, я прямо явился къ дежурному генералу Василію Ивановичу Заболоцкому.—Ваше п-во, сказалъ я ему, я служу 12 лѣтъ правителемъ канцеляріи при генералѣ Симборскомъ

въ Динабургѣ, состою больше 9 лѣтъ въ капитанскомъ чинѣ и затѣмъ не предвижу для себя ничего въ будущемъ. Я человѣкъ бѣдный, безо всякой протекціи; потому что мой начальникъ, по прежнимъ отношеніямъ своимъ къ главнокомандующему и къ начальнику Главнаго Штаба, рекомендовать меня не станетъ. Между тѣмъ, я желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ и потому осмѣливаюсь явиться прямо къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: прикажите испытать меня въ Главномъ Штабѣ; если я буду на что-нибудь годиться, то ошастливьте принятіемъ къ себѣ на службу. Я собственно для этого и просился въ десяти-дневный отпускъ.

Генералу Заболоцкому понравилась моя откровенность. Онъ приказалъ мнѣ походить съ недѣлю въ главное дежурство и поступить въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія ст. сов. Праведникова. Испытаніе состояло въ томъ, что мнѣ дали сдѣлать выписку изъ одного слѣдственнаго дѣла. Первый день я читалъ это дѣло и записывалъ на особомъ листѣ мои замѣтки; на другой день составилъ выписку и часамъ къ 3-мъ пополудни передалъ ее Праведникову. Тотъ прочиталъ ее внимательно.—Эге! да васъ учить не нужно. Завтра я доложу вамъ выписку дежурному генералу.

На слѣдующій день дежурный генералъ прислалъ за мною.—Я не только согласенъ на вашъ переводъ, но скажу вамъ болѣе: намъ такіе люди нужны. Явитесь завтра къ начальнику Главнаго Штаба. Я сегодня говорилъ съ нимъ про васъ. Предупреждаю однако, что у насъ нѣтъ еще вакансіи старшаго адъютанта, а она откроется не ранѣе осени.

Коцебу также принялъ меня прекрасно. — Васъ рекомендуетъ одно то, что вы служите 12 лѣтъ у Симборскаго, у котораго адъютанты не уживались долѣе года. Вы прошли хорошую школу. Я принялъ бы васъ и безъ испытанія; но у меня нѣтъ еще вакансіи; первая же вакансія—ваша

— Не смѣю скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что мой начальникъ не желаетъ отпускать меня отъ себя; а приготовить на мое мѣсто другаго офицера, въ годовой срокъ, я не могу.

— Весьма понятно, почему онъ васъ не отпускаетъ; по закону, однако, задержать васъ онъ не имѣетъ права, ежели послѣдуетъ отъ насъ вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ вашему переводу. Но старайтесь не разсориться съ нимъ, а покончить «лагодно». (Польское выраженіе *миролюбно, спокойно*). Ожидайте осени.

Я еще разъ поблагодарилъ и вышелъ; но Коцебу, выйдя изъ кабинета въ переднюю, гдѣ мнѣ подавали шинель, еще разъ сказалъ:

Капитанъ! Не думайте, что я общалъ вамъ вакансію только для того, чтобъ отъ васъ отдѣлаться; нѣтъ, я непремѣнно возьму васъ.

Говорятъ, что это была необыкновенная, безпримѣрная любезность съ его стороны. Меня однакоже она не особенно восхитила: я понялъ, что тутъ играетъ роль не личность моя, а желаніе досадить Андрею Михайловичу.

Я уѣхалъ обратно въ Динабургъ, пробывъ въ Варшавѣ всего пять дней.

— Что же такъ скоро? спросилъ комендантъ. Очаровалъ васъ коварный Коцебу или оттолкнулъ?

— Онъ общалъ мнѣ мѣсто старшаго адъютанта, но не скоро, когда откроется вакансія.

Лицо Симборскаго какъ будто просвѣтлѣло.

— Что же онъ сказалъ, когда узналъ, что вы мой адъютантъ?

— Сказалъ, что это моя рекомендація; а какъ при васъ я прошелъ прекрасную школу, то и подвергать меня испытанію нѣтъ надобности.

— О, я знаю, что онъ возьметъ васъ, хотя бы для того, чтобы мнѣ насолить.

Шли мѣсяцы, и ничто не возмущало нашего согласія. Метлинъ былъ возвращенъ въ свой баталіонъ.

Осенью получено свѣдѣніе, что въ первыхъ числахъ Ноября, на обратномъ пути изъ Крыма, Государь Императоръ изволилъ смотрѣть въ Динабургъ войска. Въ тоже время полученъ изъ Варшавскаго Главнаго Штаба вопросъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу? Симборскій въ гнѣвѣ скомкалъ бумагу и сказалъ:

— До пріѣзда Государя Императора объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Но вотъ и высочайшій проѣздъ совершился благополучно. Его Величество благодарилъ войска, благодарилъ коменданта за отличный порядокъ въ крѣпости. Дѣла опять вошли въ свою колею.

Однажды, послѣ доклада, А. М. подалъ мнѣ бумагу Коцебу. «Надобно отвѣчать на эту бумагу: иначе Коцебу, чтобъ досадить мнѣ, повторитъ вопросъ. Какія же я могу представить препятствія? Вы платите мнѣ неблагодарностію. Я хотѣлъ самъ позаботиться о вашей судьбѣ, хотѣлъ чтобъ вы мнѣ были обязаны вашею будущностію. Куда хотите, я могъ бы перевести васъ, только не въ Варшаву. Если не хотите въ Петербургъ, то Россія не клиномъ сошлась, славу Богу!»

Крѣпко я былъ взволнованъ, слушая эту рѣчь. Я чувствовалъ, что поблѣднѣлъ; слезы меня душили и готовы были брызнуть. Я чуть-

чуть не отказался отъ предлагаемаго мѣста; но было поздно: дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Будь по вашему! закончилъ А. М. Вытребуйте опять Метлина для прикомандированія.

Отвѣтъ былъ посланъ, и чрезъ десять дней состоялся высочайшій приказъ о моемъ переводѣ. Вслѣдъ затѣмъ Коцебу потребовалъ отъ коменданта письменныхъ обо мнѣ свѣдѣній и скорѣйшаго отправления меня къ новому мѣсту служенія.

Наканунѣ моего отъѣзда онъ былъ у меня; а на другой день, прощаясь съ нимъ, мы оба плакали и горячо обнимались.

— Полноте! сказалъ мнѣ Симборскій, посмотритесь въ зеркало, на что мы похожи: мы оба разрыдались какъ бабы!

Не помню, какъ я вышелъ отъ него; но когда прѣбжалъ мимо его квартиры, онъ стоялъ у окна и на прощанье махнулъ мнѣ бѣлымъ платкомъ.

Недолго послѣ меня оставался онъ въ Динабургѣ: аудиторы, которыхъ онъ никогда не жаловалъ, сдѣлали военному министру доносъ, въ которомъ ложно обвиняли его въ вымогательствѣ и взяточничествѣ. Все что онъ сдѣлалъ хорошаго для Динабурга было поставлено ему въ вину, потому что изъ всего этого онъ будто бы извлекалъ для себя барыши. Военный министръ прислалъ въ Динабургъ одного доку для производства дознанія. Тотъ долго рылся, разгребалъ разный соръ, но ничего не могъ добиться: никакого вымогательства не нашлось, и всѣ начальники частей показали, что добровольно участвовали въ разныхъ полезныхъ затѣяхъ коменданта и охотно ихъ поддерживали. Тогда аудиторъ написалъ военному министру, что онъ не добьется правды, куда нынѣшній комендантъ и плацъ-маіоръ полковникъ Байбаковъ будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ ихъ всѣ боятся и скрываютъ истину. Это было въ началѣ 1861 года.

Разъ ночью, въ 2 часа, прѣзжаетъ къ плацъ-маіору съ Нового Форштадта квартальный надзиратель.

— Пожалуйте къ *новому* коменданту, генералу Іолшину (бывшему до того начальникомъ III-го округа корпуса жандармовъ). Онъ остановился въ гостиницѣ Будревича и послалъ меня за вами.

Байбаковъ ужасно встревожился. Іолшинъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ вамъ высочайшій приказъ объ увольненіи въ отставку Симборскаго и васъ. Я назначенъ комендантомъ. Передайте сейчасъ приказъ этотъ Симборскому и скажите, чтобы онъ къ 11-ти часамъ утра очистилъ для меня комендантскую квартиру.

Удивительно, какъ съ Байбаковымъ, человѣкомъ полнымъ и сырымъ, не сдѣлался тутъ же ударъ (котораго онъ не избѣжалъ однакоже нѣсколько позднѣе).

Къ 11 часамъ утра Симборскій очистилъ нѣсколько комнатъ для новаго коменданта, въ остальныхъ сложилъ временно свои вещи, а самъ переѣхалъ къ кому-то изъ начальниковъ частей на квартиру, радушно предложенную. Вѣсть о такой неожиданной смѣнѣ была громовымъ ударомъ для Динабурга. Всѣ ихъ любили искренно.

Скоро послѣ того Андрей Михайловичъ Симборскій переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, а Байбаковъ умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену и шестерыхъ дѣтей.

Аудиторъ и послѣ смѣны ихъ ничего не добился; никакого слѣдствія, ни суда не было, и дѣло кануло въ вѣчность. Эти два человека пострадали напрасно.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ начались безпорядки. 1861-й и 1862-й годы были годами манифестацій, оскорбленія Русскихъ людей и бездѣйствія Русскихъ властей, запуганныхъ мальчишками и уличнымъ сбродомъ. Андрей Михайловичъ постоянно осаждалъ меня требованіями писать къ нему подробнѣе и побольше о томъ, что у насъ дѣлается, такъ какъ свѣдѣнія изъ газетъ чрезвычайно были сжаты и неудовлетворительны. Какъ старшій адъютантъ Главнаго Штаба, я могъ знать и видѣть больше нежели газетные репортеры и потому описывалъ Симборскому всѣ Варшавскія событія ярко, не щадя виноватыхъ ни съ одной, ни съ другой стороны; писалъ съ полною откровенностью, зная, что письма эти у него и погибнуть и ни въ какомъ случаѣ не будутъ преданы гласности.

Разъ поздно вечеромъ зашелъ ко мнѣ камергеръ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ и сказалъ:—Я сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга. Знаете ли, что меня Государь спрашивалъ объ васъ?

Я вскочилъ въ испугъ.

— Не пугайтесь. Его Величество отозвался о васъ очень милостиво. При представленіи моемъ Государь изволилъ спросить, знаю ли я васъ въ Варшавѣ, и когда я сказалъ, что знаю очень хорошо, потому что вмѣстѣ состоимъ при главнокомандующемъ, Его Величество что-то сказалъ о какихъ-то вашихъ письмахъ, чего я не понималъ. Можете быть увѣрены, что я доложилъ о васъ все самое хорошее. Къ кому вы писали и о чемъ, я ровно ничего не знаю; но изъ словъ Государя я понималъ, что онъ теперь «знаетъ всю правду».

Покуда С. Ѳ. Панютинъ это говорилъ, на мнѣ сдѣлалась мокрая вся рубашка. Долго однако я не могъ придти въ себя. Что за письма? Не корреспонденціи же мои въ «Московскія Вѣдомости и въ «Русскій Инвалидъ»: онѣ не секретъ и выходятъ въ печати.

Прошло еще два бурныхъ года въ Варшавѣ. Симборскій жилъ въ Петербургѣ, откуда однажды уѣзжалъ за границу, гдѣ ему сняли катарахты.

Въ 1864 году я поѣхалъ въ Петербургъ, и конечно первымъ моимъ долгомъ было зайти къ Андрею Михайловичу. Это была первая встрѣча послѣ нашей разлуки.

Меня непріятно поразило, что онъ былъ въ статскомъ платьѣ.

— Что это значитъ, Андрей Михайловичъ, почему вы не носите военной формы?

— Мундира въ отставку! Да ктожь его носить? Развѣ можно надѣвать эту оборванную, обципанную, разжалованную форму? Ее выдумали тѣ, которые были убѣждены, что никогда не надѣнутъ ее сами, потому что умрутъ членами Военнаго или Государственнаго Совѣта. Въ наше законодательство напрасно внесена устарѣлая фраза «съ мундиромъ», потому что никому онъ не нуженъ.

— Помилуйте, вѣдь это награда. Я видѣлъ однакоже нѣсколько отставныхъ генераловъ въ военной формѣ.

— Хороша награда, когда ее всѣ отвергаютъ. Изъ генераловъ только тѣ щеголяютъ красною подкладкою своего пальто, которые не носили ея на службѣ, т.-е. генералы-апликэ. Знаете, что я вамъ разскажу объ одномъ моемъ знакомомъ отставномъ полковникѣ—и это не анекдотъ, а истинное происшествіе, о которомъ многіе говорятъ въ Петербургѣ. Полковникъ этотъ, въ своей отставной формѣ, ѣхалъ на извозчикѣ и курилъ сигару. Вдругъ на ступеньку дрожекъ вскакиваетъ какой-то деньщикъ. «Землячокъ любезный, одолжи огоньку». Полковникъ былъ озадаченъ и молча подалъ сигару. Деньщикъ закурилъ свою папиросу, потомъ потянулъ раза два сигару и, возвращая ее полковнику, прибавилъ: «Должно быть ты порядочно обкрадываешь своего барина, когда куришь такія дорогія сигары». Ясно, что деньщикъ принялъ отставнаго полковника, по его костюму, за такого же деньщика, какъ и самъ онъ. Но я надѣюсь скоро опять надѣть генеральскую форму, потому что попрошу милости у Государя о принятіи меня вновь на службу, съ зачисленіемъ по артилеріи. Я привыкъ носить эполеты чуть не съ дѣтства.

Потомъ онъ пригласилъ меня съ собою обѣдать въ Англійскій клубъ, прибавя: Вы сегодня мой гость, и я сейчасъ пошлю къ генералу Крыжановскому просить, чтобы онъ мнѣ уступилъ на сегодня свою очередь для ввода гостя въ клубъ.

Въ клубѣ я встрѣтилъ многихъ моихъ знакомыхъ и двухъ прежнихъ начальниковъ, Крыжановскаго и Рамзая. Первый пригласилъ меня обѣдать къ себѣ на завтра, и Рамзай обязалъ быть его гостемъ въ Англійскомъ клубѣ послѣ завтра. Тутъ же Симборскій представилъ меня начальнику штаба корпуса жандармовъ и управлявшему III Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи.

— Рекомендую вамъ, сказалъ Симборскій — такой-то. Онъ сдѣлалъ мнѣ славу уживчиваго человѣка, потому что прослужилъ у меня адъютантомъ двѣнадцать лѣтъ.

— Я васъ знаю, обратился ко мнѣ *, подавая руку. Въ прошломъ году вы были ранены отравленнымъ кинжаломъ. Съ владѣльца дома, въ который скрылись ваши убійцы, взыскано штрафа 20 тысячъ рублей, которые и переданы вамъ.

— Мнѣ?.. Съ владѣльца дома, Гродзицкаго, дѣйствительно взыскана эта сумма; но я не видалъ изъ нея мѣднаго гроша. Еслибы я получилъ такую сумму, то вѣрно не былъ бы сегодня въ Петербургѣ.

— Чѣмъ же васъ наградили?

— Ничѣмъ. Еще нѣтъ двухъ лѣтъ какъ я получилъ Станислава на шею, а штабная служба моя не считается бытностію въ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Кромѣ того, продолжалъ *, я знаю васъ по письмамъ къ Андрею Михайловичу. Они послужатъ матеріаломъ для исторіи послѣдняго Польскаго мятежа.

— Кстати, Андрей Михайловичъ, перебилъ я, обращаясь къ Симборскому, какимъ образомъ письма мои удостоились такого вниманія?

— Я самъ отвозилъ ихъ къ шефу жандармовъ князю Долгорукову и просилъ довести до высочайшаго свѣдѣнія, что за безобразія творятъ въ Варшавѣ этотъ выжившій изъ ума старикъ Горчаковъ и совѣтчикъ его Коцебу. Вѣдныя Русскіе, что они тогда вытерпѣли!

Такимъ образомъ загадка разъяснилась.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Варшаву я имѣлъ величайшее удовольствіе прочитатъ, что генераль-лейтенантъ Симборскій I-й вновь опредѣленъ на службу, съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артилеріи. Въ этомъ положеніи онъ и оставался до смерти.

Послѣ столь рѣзко высказаннаго Андреемъ Михайловичемъ мнѣнія объ отставномъ мундирѣ, я сталъ замѣчать, что отставные какъ будто стыдятся той награды, которую старинный законъ даетъ имъ за отлично-усердную и нерѣдко запечатлѣнную кровію службу. Конечно всѣмъ извѣстно, какой въ нынѣшнемъ году произвело между отставными военными восторгъ извѣстіе, появившееся въ газетахъ, будто имъ *возвращаютъ* эполеты (какъ будто послѣдніе были *отняты* за какой-нибудь штрафъ); какъ отставные ликовали и благословляли высшее начальство за то, что оно, заботясь столько о строевыхъ, простерло свою милость и на отставныхъ и какое горькое наступило потомъ разочарованіе, когда узнали, что извѣстіе это было только газетною уткой. А жаль! Можно съ увѣренностію сказать, что еслибы отстав-

ному мундиру были присвоены эполеты, то всё оставшие поголовно надѣли бы его и дѣйствительно считали бы его высокою наградою.

Прошло еще около трехъ лѣтъ. Я долженъ былъ, по дѣламъ службы, съ мѣсяцъ пробыть въ Петербургѣ. Каждый день бывалъ я у Андрея Михайловича и часто встрѣчался тамъ съ двумя родными братьями его, Иеронимомъ и Дмитріемъ Михайловичами. Первый былъ также артилерійскій генералъ-лейтенантъ, а второй — генералъ-маіоръ въ отставкѣ. Дмитрій Михайловичъ имѣлъ большое семейство; другой же братъ былъ бездѣтенъ.

Однажды я засталъ Андрея Михайловича въ сильномъ волненіи: онъ спорилъ съ какою-то Петербургскою чуйкою. Андрей Михайловичъ говорилъ:

— Я сторговалъ въ зеркальномъ магазинѣ цѣльное зеркало въ печной простѣнокъ, такихъ-то размѣровъ, за 300 рублей; между тѣмъ вы вставили стекло меньшихъ размѣровъ и требуете тоже 300 рублей.

— Помилуйте, ваше пр-во, возражала чуйка, потряхивая волосами: это ничего, что стекло меньше рамы простѣнка; за то мы отрѣзали отъ другихъ зеркалъ вершка по два и съ трехъ сторонъ заполнили недостающее пространство.

— Но я не хочу зеркала со вставками; я сторговалъ за 300 рублей цѣльное.

— Не нашлось у насъ такихъ размѣровъ цѣльнаго-съ. Но все равно. простѣнокъ заполненъ.

— Не все равно! Цѣльное не кусковое. Зачѣмъ же вы брались за поставку, когда требуемыхъ стеколъ не имѣли?

— Надѣялись достать въ другихъ магазинахъ, да не нашли-съ.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я не принимаю такого стекла. Унесите его назадъ.

— Ну нѣтъ, ваше п-во, уносить назадъ намъ не приходится; убыточно будетъ; все же вставка, провозъ, работа-съ.

— Такъ вы насильно хотите навязать мнѣ вашъ неподходящій товаръ? Повторяю вамъ, что я не принимаю его; берите себя назадъ.

— Какъ вамъ угодно, ваше п-во, а товару назадъ мы не беремъ; мы испортили для васъ одно зеркало на разрѣзки для вставокъ. По настоящему, вы и за то зеркало намъ заплатить должны. Какъ вамъ угодно-съ: или пожалуйста денежки, или я обжалую васъ у мирового судьи.

— Жалуйтесь! Не знаю, какой мировой судья найдетъ вашу жалобу справедливою. Денегъ я вамъ не отдамъ и зеркало свое возьмите.

Чуйка ушла. Это былъ мѣщанинъ Лопатинъ, прикащикъ изъ зеркальнаго магазина.

Кто не помнитъ первыхъ мировыхъ судей при введеніи новаго судопроизводства? Всѣ лучшія юридическія силы ушли тогда въ окружные суды, въ судебныя палаты, въ прокуратуру, въ присяжные повѣренные и т. п.; а балотироваться въ мировые судьи, за немногими исключеніями, пошли тѣ, которымъ не было мѣста въ судахъ, да и вообще въ государственной службѣ. Общество избирало всякаго, благо онъ изъявлялъ желаніе и подходилъ подъ извѣстныя условія, не разбирая ни его характера, ни наклонностей, ни образа мыслей. и потомъ само ахнуло, кого избрало на свою шею! Первые мировые судьи, выходя нерѣдко изъ ничтожества, почувствовали подъ собою почву, а въ рукахъ власть, и у нихъ закружилась голова. Имъ предоставлялась обширная арена для проявленія этой власти, особенно надъ классомъ высшимъ, мстить которому теперь открывалась широкая возможность, и вотъ эта месть, во всемъ безобразіи своемъ, и начала проявляться на каждомъ шагѣ. Судьи вообразили себя Крыловскими журавлями на болотѣ, на которомъ имѣли право засудить и проглотить всякую встрѣчную лягушку. Опираясь на свою «несмѣняемость», они считали себя неограниченными повелителями общества и задались, какъ говорили тогда, тенденціозною мыслию «уничтожить это старое, отжившее свой вѣкъ дворянское сословіе и замѣнить его силами изъ народа». Поэтому они всемѣрно старались унижать и оскорблять дворянъ вообще и генераловъ въ особенности. Они извратили великую мысль законодателя, сдѣлали ее орудіемъ мелкихъ страстишекъ, забыли основную мысль: «милость и правда да царствуютъ въ судахъ» и затѣяли передѣлать Русскую жизнь на свой ладъ. Купецъ не смѣлъ выругать негодяя-прикащика, выдрать за уши баловника-мальчишку: это называлось самоуправствомъ и наказывалось арестомъ; служанка, ударившая свою барыню или дворникъ хозяина, оправдывались, какъ сдѣлавшіе это «въ запальчивости и раздраженіи»; а барыня, только выругавшая служанку или, баринъ оскорбившій словами дворника или кучера, подлежали оптрафованію. Такого рода судьи положили начало «войнѣ съ капиталомъ» и породили тѣхъ «народниковъ», которые потомъ «пошли въ народъ» и съ которыми правительству пришлось бороться. Странно, что и лучшіе люди, попавшіе въ этотъ водоворотъ, также были увлечены теченіемъ или, какъ тогда говорили, *въяніемъ* и раздѣляли эти чудовищныя начала! Мало того: между судьями появлялись и скоморохи, которые вопросами своими подсудимымъ или тяжущимся заставляли публику, находившуюся въ ихъ каморѣ, хохотать до слезъ.

Журналистика такъ много говорила о непригодности первыхъ мировыхъ судей; но ни одинъ изъ судей не осмѣлился выступить въ

защиту своей корпораціи печатно и живымъ словомъ и примѣрами доказать всю пользу, какую приносить она народной жизни и поднятію нравственности; напротивъ, они умѣли только привлекать авторовъ къ суду за оскорбленіе въ печати, но не оправдываться въ глазахъ общества, чѣмъ и доказали, что они дѣйствительно были чужды обществу, стали не средствомъ оздоравливающимъ организмъ его, а разъѣдающею язвою.

Лопатинъ исполнилъ свою угрозу и обжаловалъ мировому судѣ, дѣйств. ст. сов-ку К. Черезъ нѣсколько дней къ Симборскому пришелъ судебный приставъ Олтаржевскій, вмѣстѣ съ Лопатинымъ, и предъявилъ исполнительный листъ, постановленный по заочному рѣшенію мирового судьи, о взысканіи съ Симборскаго 300 рублей въ пользу Лопатина. Приставъ объявилъ, что долженъ приступить къ описи имущества, если не получить денегъ. Олтаржевскій былъ знакомъ Симборскому, какъ братъ жены Динабургскаго инженера Мянновскаго.

— Что это значить, спросилъ его А. М., на какомъ основаніи г. К. поставляетъ заочное рѣшеніе, когда я въ городѣ, и слѣдовательно онъ долженъ былъ выслушать мое оправданіе?

— Этого я не знаю, ваше п-во. Онъ самъ вручилъ мнѣ исполнительный листъ.

— Въ такомъ случаѣ я протестую противъ этого рѣшенія и подамъ прошеніе мировому судѣ.

— Вы имѣете на то законное право, но я все таки долженъ исполнить мою обязанность и описать хотя нѣкоторыя вещи ваши, впредь до новаго рѣшенія судьи.

Андрей Михайловичъ жилъ въ великолѣпной квартирѣ, на Дворцовой набережной, и квартира эта была меблирована съ самою изысканною роскошью. Олтаржевскій записалъ три или четыре вещи, въ десять разъ превышавшія стоимостью цѣну иска и удалился.

Вечеромъ А. М. встрѣтилъ въ Англійскомъ клубѣ К-а и спросилъ его, по-пріятельски, такъ какъ они были коротко знакомы: Что это вы постановили обо мнѣ заочное рѣшеніе, по дѣлу этого жулика Лопатина?—Ахъ, оставьте разговоры о дѣлахъ! отвѣчалъ тотъ очень неделикатно: онѣ надоѣли мнѣ днемъ, а здѣсь въ клубѣ я хочу отдохнуть отъ нихъ. Подавайте, если хотите прошеніе.

Прошеніе составили мы вмѣстѣ съ А. М., и я переписалъ такое собственноручно; при немъ приложена и разцѣпочная вѣдомость зеркаламъ въ квадратныхъ верпкахъ, писанная Лопатинымъ. Изъ всего было видно, что прикащикъ не исполнилъ условія, требовалъ за меньшихъ размѣровъ зеркало ту же цѣну, что полагалась за боль-

шое и обезобразилъ гостиную, вставивъ надкаминное зеркало изъ кусковъ.

Черезъ нѣсколько дней Симборскій получилъ отъ К-а повѣстку, чтобы для разбирательства его дѣла онъ явился тогда-то въ его камеру въ 11 часовъ ночи.

— Посмотрите, какая не деликатность! сказалъ онъ, показывая мнѣ повѣстку: судья вызываетъ меня, больного старика, въ 11 часовъ ночи, когда въ это время я всегда уже въ постели!

— Чтоже дѣлать? отвѣчалъ я. Не будь вы генераломъ, съ вами такъ не поступили бы... Но ѣхать необходимо. Я не отпущу однако васъ одного: поѣдемъ вмѣстѣ.

Въ назначенный вечеръ мы пріѣхали въ камеру К-а. Толпа народу: вонь отъ промгзлыхъ зипуновъ и тулуповъ, сквозной вѣтеръ, холодно и сыро отъ нанесеннаго огромными сапожищами снѣга. Въ этой атмосферѣ просидѣли мы до часу ночи, слушая разборъ другихъ дѣлъ. Судья не обращалъ на моего генерала ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, въ часъ ночи, онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Господинъ Симборскій! Дѣло ваше съ господиномъ Лопатинымъ, по не прибытію истца, сегодня разбираться не будетъ. О днѣ новаго разбирательства вы получите повѣстку. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Съ этимъ мы вышли, измученные напраснымъ ожиданіемъ.

Но вѣдь теперь роли перемѣнились: теперь истецъ Лопатинъ, сдѣлался отвѣтчикомъ, а отвѣтникъ Симборскій—истцомъ. Почему же судья и теперь не могъ рѣшить дѣло заочно, въ отсутствіе Лопатина какъ рѣшилъ его въ первый разъ, въ отсутствіе Симборскаго?

Слѣдующая повѣста опять вызывала А. М. въ 11 часовъ ночи. Очевидно, это дѣлалось ему на зло. Мы поѣхали. Таже процедура, таже атмосфера, таже ожиданіе. Наконецъ около часу ночи раздался зовъ судьи:

— Господинъ Лопатинъ и господинъ Симборскій!

Андрей Михайловичъ и Лопатинъ вышли изъ за рѣшетки вмѣстѣ. Мировой судья началъ читать прошеніе Симборскаго. Видя, что процедура эта продлится долго, А. М. попросилъ судью приказать подать ему стулъ, такъ какъ онъ былъ тогда боленъ ногами.

— Сторожъ, подай два стула! крикнулъ К- ѣ.

Сторожъ принесъ два стула; на одномъ сѣлъ генераль.

— Господинъ Лопатинъ, садитесь! произнесъ судья.

-- Покорно благодаримъ-съ, ваше и-во, отвѣчалъ Лопатинъ, и прибавилъ фразу Гоголевскаго Осипа: у меня ноги есть, я и постою.

Такимъ образомъ чуйка оказалась деликатнѣе судьи.

Началась прѣзня. Лопатинъ, говоря объ А. М., постоянно произносилъ «Симборскій» да «Симборскій». А. М. обратился къ судѣ:

— Господинъ, судья прошу васъ приказать Лопатину называть меня: или «генералъ Симборскій» или «господинъ Симборскій».

— Ахъ, извините, ваше п-во, обратился Лопатинъ къ генералу. Прощенія просимъ! Такъ-съ, сгоряча съ! и съ тѣхъ поръ постоянно говорилъ или просто «генералъ», или «его п-во господинъ генералъ».

Кончилось тѣмъ, что мировой судья не принялъ во вниманіе никакихъ оправданій генерала и не измѣнилъ ни на волосъ первоначальнаго заочнаго приговора своего, т. е. А. М. долженъ былъ безусловно заплатить Лопатину 300 р., а кусковое зеркало оставить у себя.

Разумѣется, А. М. не могъ остаться доволенъ подобнымъ несправедливымъ приговоромъ и заявилъ, что подастъ апелляцію. Мы возвратились домой въ 2 часа ночи. Апелляціонную жалобу мы также составляли вдвоемъ, и я собственноручно переписалъ ее. К. съ своимъ заключеніемъ представилъ ее въ мировой сѣздъ, который вызвалъ Симборскаго на извѣстное число къ 10 часамъ утра.

Мы прѣехали къ назначенному часу; но засѣданіе подъ предсѣдательствомъ К. началось въ 11 или даже въ 12 часовъ дня. Мы сидѣли въ числѣ прочей публики. Долго разбирались разныя дѣла; Симборскаго дѣло было назначено послѣднимъ. Утомленный долгимъ ожиданіемъ, отоцавшій и слабый на ногахъ, А. М. однакоже, хотя и съ величайшимъ трудомъ, вставалъ при каждомъ возгласѣ: «судъ идетъ!» Наконецъ, дошла очередь и до нашего дѣла. К. прочиталъ: «Гражданское дѣло по иску Лопатина съ Симборскаго, 300 рублей. Здѣсь Симборскій жалуется на меня, а потому слагаю съ себя званіе предсѣдателя мирового сѣзда».

Съ этимъ судьи вышли въ свою комнату. Минуты черезъ три послышался голосъ судебного пристава: «судъ идетъ!» Впереди всѣхъ шелъ какой-то молодой человѣкъ, въ званіи предсѣдателя. Андрей Михайловичъ приподнялся, но обезсиленный тотчасъ же сѣлъ, почти упалъ на скамью. Не успѣли судьи занять мѣста, какъ юный предсѣдатель закричалъ во все горло, указывая на генерала: Господинъ приставъ! Поднимите этого господина или выведите его вонъ.

Я поспѣшилъ приподнять Андрея Михайловича.

— Ради Бога, Андрей Михайловичъ, бодритесь, или васъ встрѣтитъ величайшее оскорбленіе. Очевидно, они къ вамъ стараются придратъся, чтобъ вывести васъ изъ себя.

Началось чтеніе дѣла. Въ апелляціонной жалобѣ судьи нашли оскорбленіе мирового судьи словами: «неправильно», «несправедливо», «незаконно». К-тъ, въ объясненіи апелляціи написалъ, между

прочимъ, что «Симборскій требовалъ, чтобы Лопатинъ называлъ его вашимъ превосходительствомъ». Андрей Михайловичъ тутъ не выдержалъ и сказалъ, будто про себя, но такъ, что предсѣдатель услышалъ: «Это неправда!»

— Господинъ Симборскій! взбѣленился юнецъ и закричалъ на всю залу. Если вы осмѣлитесь сказать еще одно слово, я прикажу вывести васъ вонъ.

Я крѣпко сжалъ руку Андрея Михайловича.

— Опомнитесь, выдержите! Видите-ли, что здѣсь все улажено, подтасовано; они только играютъ здѣсь комедію и ловить васъ на вѣрняка. Ради самого Создателя, не давайте повода погубить себя.

— Господинъ товарищъ прокурора! возгласилъ предсѣдатель. Ваше заключеніе: какому наказанію долженъ быть подвергнутъ виновный въ письменномъ оскорбленіи мирового судьи?

— Я нахожу, отвѣчалъ спрошенный, что въ аппеляціонномъ прошеніи находится нѣсколько неприличныхъ выраженій; а такія прошенія, на основаніи такой-то статьи и такихъ-то рѣшеній Кассационнаго Департамента, оставляются безъ послѣдствій.

Судъ удалился для постановленія приговора; но чрезъ пять минутъ опять вышелъ. Ясно, что приговоръ уже былъ заблаговременно подписанъ. Молодой предсѣдатель прочиталъ приговоръ, которымъ рѣшеніе мирового судьи утверждено во всѣхъ частяхъ, а за письменное оскорбленіе мирового судьи постановлено продать Симборскаго суду.

— Вамъ, г. товарищъ прокурора, поручается сдѣлать соответственныя распоряженія.

— Я сейчасъ ѣду къ шефу жандармовъ, сказалъ я Симборскому, доложить о публичномъ оскорбленіи вамъ нанесенномъ.

Было 3 часа по полудни. А. М. уѣхалъ домой, а я къ *, который только что вернулся изъ Государственнаго Совѣта и принялъ меня немедленно.

— Ваше сіятельство! Я сію минуту былъ свидѣтелемъ тяжкаго публичнаго оскорбленія заслуженнаго генерала мальчишкою-судьею.

Я рассказалъ графу всѣ возмутительныя подробности цѣлаго дѣла. Графъ удостоилъ выслушать меня съ величайшимъ вниманіемъ и потомъ приказалъ попросить генерала Симборскаго къ нему, завтрашняго числа въ 10 ч. утра.

Графъ принялъ живое участіе въ дѣлѣ Симборскаго и обѣщалъ ему свою защиту.

Что потомъ было, я не знаю; потому что я назначенъ былъ на службу въ Могилевъ, куда скоро и уѣхалъ. Говорили, будто военный

министръ требовалъ отъ начальниковъ войскъ свѣдѣній обо всѣхъ случаяхъ оскорбленія мировыми судьями лицъ военнаго званія; но въ какой степени были справедливы эти рассказы, я дознать не могъ.

Симборскій однако не былъ преданъ суду, какъ того хотѣлъ мировой съѣздъ, хотя и «Судебный Вѣстникъ» настаивалъ, чтобъ приговоръ съѣзда былъ непремѣнно приведенъ въ исполненіе. Какая тому причина, мнѣ также неизвѣстно: было ли тутъ вліяніе графа *, или сама прокуратура убѣдилась, что тутъ Симборскаго судить не за что.

Въ концѣ Января слѣдующаго 1868 года я прочелъ въ Русскомъ Инвалидѣ: *«Умершіе исключаются изъ списковъ. Состоящій по полевой пѣшей артиллеріи генералъ-лейтенантъ Симборскій»*.

Андрей Михайловичъ Симборскій умеръ 20 Января 1868 года. (Своему деньщику и прислугѣ оставлялъ онъ въ завѣщаніи щедрое награжденіе; къ сожалѣнію, воля его не была исполнена наследниками).

Память его для меня незабвенна. Сколько отеческаго вниманія оказывалъ онъ мнѣ во время неоднократныхъ моихъ тяжкихъ болѣзней? Въ началѣ мнѣ казалось, что это былъ эгоизмъ, что А. М. старался скорѣе меня вылѣчить для того, чтобы канцелярія не оставалась безъ адъютанта, чтобы не работать самому; но потомъ я убѣдился, что имъ руководили привязанность ко мнѣ и врожденная, безусловная доброта сердца. Сколько разъ отсылалъ онъ меня къ минеральнымъ водамъ и морскимъ купаньямъ, съ наказомъ не торопиться возвратомъ, а дѣлами занимался самъ со старшимъ писаремъ...

Если Андрей Михайловичъ имѣлъ свои недостатки; то это была *толь ли благородномъ металлъ*, свѣянная дыханіемъ смерти.

Теобальдъ.
